

Научная статья
УДК 342
doi: 10.17223/22253513/58/2

Институт законных ожиданий в РФ и зарубежных странах

Ольга Валентиновна Кривельская¹

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия, o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

Аннотация. Рассматривается институт законных ожиданий в административном праве России и зарубежных стран (Германия, Франция, Великобритания). Анализируется содержание принципа, его функции и правозащитный потенциал в контексте обеспечения правовой определенности и предсказуемости административных действий. В российской практике принцип пока не получил прямого законодательного закрепления, однако развивается через доктрину доверия к закону и действиям государства. Представлены модели защиты ожиданий в Германии (через *Vertrauensschutz*), Франции (в рамках принципа *sécurité juridique*) и Великобритании (доктрина *legitimate expectations*). Сделан вывод о необходимости заимствования зарубежного опыта и законодательного закрепления данного принципа в российском праве.

Ключевые слова: законные ожидания, административное право, правовая определенность, доверие, судебная практика, публичное управление, сравнительный анализ

Для цитирования: Кривельская О.В. Институт законных ожиданий в РФ и зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 21–30. doi: 10.17223/22253513/58/2

Original article
doi: 10.17223/22253513/58/2

The institute of legitimate expectations in Russia and abroad

Olga V. Krivelskaya¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

Abstract. This article examines the concept of legitimate expectations in administrative law in Russia and other countries (Germany, France, and the United Kingdom). It analyzes the principle's content, functions, and potential for human rights protection in the context of ensuring legal certainty and predictability of administrative actions. Legitimate expectations are generally understood to refer to a situation in which a person has formed reasonable expectations regarding a specific behavior of government bodies or officials, stemming from applicable legal norms, established administrative practice, or official policy.

In the Russian Federation, the principle of protecting legitimate expectations has not yet been directly enshrined in law. It is not explicitly mentioned in either the Code of Administrative Procedure or laws on administrative procedures. Nevertheless, the preconditions for its development exist.

In Germany, the protection of citizens' legitimate expectations has long been recognized as part of the principle of the rule of law and is specifically manifested through the doctrine of *Vertrauenschutz*—"protection of trust." This principle states that the state must justify citizens' trust in the stability of the legal situation and the reliability of public promises. In French administrative law, the distinct doctrinal concept of "legitimate expectations" (*confiance légitime*) long existed. However, the actual protection of such expectations is implemented within the general principle of *sécurité juridique*—legal security (certainty). The Conseil d'État (French Council of State) has historically held the position that administrative acts should not suddenly and unpredictably violate the established legal status of individuals. The United Kingdom is the birthplace of the term "legitimate expectations" and the country where this institution has received its most developed judicial interpretation. The principle of legitimate expectations developed in English common law in the area of judicial review of administration.

The institution of legitimate expectations has received varying degrees of development and forms of enshrinement in administrative legal systems. Two main legal families of approaches to legitimate expectations can be distinguished:

1. The Continental European approach (Germany, France) – characterized by the inclusion of the principle of trust protection in the general principles of law, closely linked to the principle of legal certainty. 2. The Anglo-Saxon approach (United Kingdom) is shaped by judicial practice and focuses on the principle of fairness toward those who have placed their trust in the promises of the authorities.

The institution of legitimate expectations plays an important role in ensuring a balance between the flexibility of public administration and the protection of citizens' legal certainty. Contemporary Russian and international scholars agree that the protection of legitimate expectations is a necessary element of the concept of the rule of law.

Keywords: legal expectations, administrative law, legal certainty, trust, judicial practice, public administration, comparative analysis

For citation: Krivelskaya, O.V. (2025) The institute of legitimate expectations in Russia and abroad. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 21–30. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/2

Одним из актуальных принципов современного административного права является принцип защиты законных ожиданий граждан. В литературе он также известен как принцип защиты доверия, или принцип правомерных ожиданий [3]. Под законными (или легитимными) ожиданиями обычно понимается ситуация, когда у лица сформировались обоснованные ожидания относительно определенного поведения органов власти или должностных лиц, вытекающие из действующей нормы права, сложившейся административной практики либо официальной политики.

Данный институт впервые был сформулирован в судебной практике Англии в деле *Schmidt v. Secretary of State* (1968), после чего получил развитие как в странах англо-американской правовой семьи, так и в государствах континентального права. Например, британский судья лорд Маккензи-Стюарт отмечал, что сущность законных ожиданий состоит в охране доверия частных лиц к стабильности и последовательности действий администрации [6. С. 55].

В административном праве данный принцип служит для защиты добросовестной «слабой стороны» (гражданина) и призван упорядочить деятельность государственных органов, делая ее предсказуемой и справедливой.

На международном уровне и в зарубежных правопорядках идея защиты законных ожиданий тесно связана с принципом правовой определенности и верховенства права. Законные ожидания граждан являются своеобразным продуктом доверия к власти: индивиды планируют свои действия, исходя из уверенности в том, что принятые государством нормы и решения будут оставаться неизменными в разумных пределах времени [7]. Соответственно, резкое изменение правовой ситуации или отступление органа власти от ранее данных обещаний способно ущемить такие ожидания, нарушить стабильность положения гражданина и даже причинить ему убытки. Возникает вопрос: должен ли гражданин мириться с подобным разочарованием или же право должно защитить его доверие? В разных странах данный вопрос решается по-разному, что делает сравнительно-правовой анализ данного института весьма полезным.

В Российской Федерации принцип защиты законных (легитимных) ожиданий пока не получил прямого нормативного закрепления. Он не упоминается ни в Кодексе административного судопроизводства, ни в законах об административных процедурах прямо. Тем не менее предпосылки для его формирования существуют. Еще Конституционный Суд РФ выработал доктрину доверия к закону и действиям государства, согласно которой граждане должны быть защищены от произвольного ухудшения своего положения со стороны законодателя или администрации. В частности, в ряде постановлений КС РФ подчеркивалось, что обратная сила законов, ухудшающих положение лица, недопустима, поскольку подрывает доверие к власти и правовую определенность. Законодатель при внесении изменений обязан учитывать принцип поддержания доверия граждан к нормативным актам, особенно если граждане предприняли разумные усилия для соблюдения прежнего закона.

Аналогичные идеи прослеживаются и в практике Верховного Суда РФ – например, при разрешении налоговых споров ВС указывал, что налогоплательщик вправе рассчитывать на последовательность фискальной политики и на стабильность ранее данных разъяснений государственных органов [2. С. 71]. Хотя прямого упоминания «принципа законных ожиданий» в решениях российских судов почти нет, по сути, элементы этого института уже проявляются в актах высших судебных инстанций как проявления других правовых принципов (той же правовой определенности, недопустимости злоупотребления правом, принципа добросовестности).

Отечественные ученые все активнее исследуют данную проблематику. Так, О.Н. Шерстбоев отмечает, что принцип защиты законных ожиданий является важной составляющей современной доктрины административного права, обеспечивая предсказуемость действий органов власти [4]. Пока этот принцип в России не занял должного места – он лишь эпизодически упоминается в правоприменении и не закреплен официально, однако существуют

предпосылки для его имплементации ввиду конституционных основ и заимствования опыта континентального права [5. С. 21].

Другие авторы также указывают, что доктрина *legitimate expectation* могла бы стать эффективным инструментом защиты «слабой стороны» в публично-правовых отношениях, аналогично тому как институт эстоппеля сейчас применяется в гражданском праве. Российские исследователи, например Е.В. Виноградова, предлагают более четко закрепить этот принцип в законодательстве [1. С. 117]. В частности, отмечается необходимость законодательно ограничить произвольный отказ государственных органов от ранее взятых на себя обязательств, а также установить механизмы компенсации ущерба, причиненного добросовестным лицам вследствие изменения государственной политики. Пока подобные положения явно не прописаны, но суды постепенно идут по пути защиты оправданных ожиданий граждан через существующие нормы. Например, Верховный Суд РФ в последних обзорах практики разъяснил, что если гражданин или компания действовали добросовестно, опираясь на официальные разъяснения компетентных органов, то внезапное изменение этих разъяснений не должно ставить их в ухудшенное положение – такие ситуации должны разрешаться с учетом принципов справедливости и соразмерности [5. С. 21]. Таким образом, хотя институт законных ожиданий еще формально не оформлен в российском административном праве, тенденция к его признанию очевидна. Он вытекает из конституционного принципа доверия к закону и постепенно получает поддержку в доктрине и судебной практике.

В Германии защита законных ожиданий граждан давно признана частью принципа правового государства и конкретно проявляется через доктрину *Vertrauensschutz* – «защиты доверия». Этот принцип означает, что государство должно оправдывать доверие граждан к стабильности правовой ситуации и надежности публичных обещаний. Если гражданин, полагаясь на действующее правовое регулирование или официальные заявления властей, совершил определенные действия (например, вложил средства, начал деятельность, получил разрешение), то его легитимное ожидание продолжения прежней линии поведения государства подлежит охране.

На практике принцип доверия в Германии выражается двояко: во-первых, строго запрещено обратное действие законов, ухудшающих положение граждан (что прямо следует из конституционного принципа правовой определенности и многократно подтверждено Федеральным конституционным судом). Во-вторых, в сфере административных актов разработаны правила, ограничивающие возможность отмены или пересмотра благоприятных для граждан решений. Еще в 1956 г. немецкий административный суд (ОВГ Берлина) применил понятие защиты доверия, отказав в отмене ранее вынесенного решения о предоставлении льготы, несмотря на его незаконность, поскольку заявитель добросовестно рассчитывал на сохранение этой льготы. В дальнейшем данные подходы были развиты в федеральном законодательстве: в Германии прямо кодифицирован принцип охраны доверия применительно к индивидуальным административным актам. Так, ст. 48(2) Административно-процессуального закона

ФРГ (*Verwaltungsverfahrensgesetz*, VwVfG) предусматривает, что неправомерный административный акт, устанавливающий права или льготы гражданина, не может быть отозван, если гражданин добросовестно полагался на него, за исключением случаев, когда того требуют существенно важные публичные интересы [8]. Иными словами, даже незаконное разрешение или лицензия не подлежат безусловной отмене *ex post*, если бенефициар уже начал полагаться на них и инвестировал в их реализацию – государство связано его законными ожиданиями.

Кроме того, законодатель (§ 48 VwVfG) обязывает при отмене или изменении решений учитывать срок давности и степень вины гражданина: например, если истек длительный срок или заявитель не знал о незаконности акта, его доверие тем более защищено. В случаях, когда отмена административного акта все же необходима по веским причинам (например, для устранения серьезного ущерба публичным интересам), немецкое право предусматривает механизмы компенсации: гражданину могут возместить понесенные убытки или предоставить переходный период для адаптации.

Во французском административном праве отдельного доктринального понятия «законные ожидания» (*confiance légitime*) долгое время не было, однако фактическая защита подобных ожиданий осуществляется в рамках общего принципа *sécurité juridique* – правовой безопасности (определенности) [9]. *Conseil d'État* (Государственный совет Франции) исторически стоял на позициях, что административные акты не должны внезапно и непредсказуемо нарушать сложившееся правовое положение частных лиц. Этот подход получил официальное подтверждение в знаменитом решении CE, Ass., 24 mars 2006, Société KPMG [10]. В деле KPMG высшая административная инстанция Франции впервые прямо провозгласила принцип правовой определенности в качестве общего принципа права и обязала правительство предусматривать переходные положения при принятии новых нормативных актов, способных ухудшить положение частных субъектов. Иными словами, новые правила должны вводиться с учетом разумного периода для адаптации, если того требуют законные интересы адресатов прежнего регулирования. Это судебное решение фактически направлено на защиту легитимных ожиданий частных организаций (в данном случае – аудиторских компаний), рассчитывавших на стабильность регулятивных требований [10].

После дела KPMG французская судебная практика последовательно развивает принцип, требующий от администрации учитывать доверие граждан к ранее действовавшим правилам. Несмотря на отсутствие термина «законные ожидания» в национальном законодательстве, логика данного института пронизывает многие сферы французского права. Государственный совет Франции применяет механизм защиты оправданных ожиданий под видом принципа правовой определенности, не называя его открыто принципом *confiance légitime*. Например, суды могут отменить административное решение, если будет установлено, что заявитель действовал, обоснованно рассчитывая на прежнее толкование нормы со стороны администрации, а последняя

внезапно изменила свою практику без предупреждения [9]. Однако во Франции по-прежнему нет прямого нормативного определения, какие именно ожидания считаются правомерными и каков объем их защиты – эти вопросы решаются исходя из баланса интересов и требований разумности.

Характерно, что влияние европейского права также стимулировало развитие данной концепции во Франции. Понятие защиты легитимных ожиданий признается общим принципом права ЕС, обязательным и для Франции.

Великобритания является родиной самого термина *legitimate expectations* и страны, где данный институт получил наиболее развитое судебное толкование. Принцип законных ожиданий сформировался в английском общем праве в сфере судебного контроля за администрацией (*judicial review*). Классическое определение гласит: если государственный орган своим явным обещанием или устоявшейся практикой создал у лица определенное ожидание (например, обещал предоставить право или соблюсти процедуру), то впоследствии неисполнение этого ожидания может быть признано несправедливым и незаконным со стороны власти. Британские суды рассматривают произвольный отказ от обещаний как возможное злоупотребление властью (*abuse of power*).

Развитие доктрины началось в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Прецедент *Schmidt v. Home Office* (1969) впервые упомянул, что иностранные студенты имели *legitimate expectation* быть выслушанными перед депортацией, хотя формального права на продолжение пребывания у них не было [3]. В знаменитом деле *Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service* (1985), известном как дело GCHQ, палата лордов признала, что обещание правительства соблюдать консультации с профсоюзом породило у сотрудников законные ожидания этой консультации, и отмена такого порядка без консультаций была признана незаконной [11]. После этого доктрина разделилась на два направления: процессуальные законные ожидания – право гражданина на определенную процедуру (например, на предварительное уведомление, проведение слушаний или сохранение набора процедурных гарантий), и материальные (субстантивные) законные ожидания – право ожидать определенного решения или результата, если государство ясно обещало это в пределах своей компетенции.

Британские суды довольно последовательно защищают процессуальные ожидания. Например, если ведомство выпустило руководство или политику, обещающую заинтересованным лицам консультации перед внесением изменений, то невыполнение этого обещания даст основание суду признать решение недействительным. Более сложным был вопрос о субстантивных ожиданиях – могут ли суды принудить администрацию выполнить обещанное действие (например, сохранить выплату или льготу). В деле *R. v. North East Devon Health Authority, ex parte Coughlan* (2001) Апелляционный суд поддержал материальное ожидание: пациентке было обещано пожизненное проживание в специализированном учреждении, и впоследствии здравоохранительные органы решили его закрыть. Суд постановил, что такое обе-

щание породило законные ожидания, и его отмена без крайне веских оснований была бы настолько несправедливой, что стала бы злоупотреблением властью, в результате суд запретил закрытие учреждения [12]. Позднее Верховный суд Великобритании назвал дело Coughlan ключевым прецедентом по доктрине законных ожиданий и подтвердил, что в исключительных случаях субстантивные ожидания подлежат защите, если того требует справедливость.

Следует отметить, что английские суды стремятся сохранять баланс между защитой ожиданий и свободой публичных органов менять политику. Если изменение политики продиктовано важным публичным интересом (например, экономическая необходимость или изменение закона), суд может допустить отступление от ранее данных обещаний. Однако при этом суд требует от органа убедительной аргументации, почему публичный интерес перевешивает ущерб частному доверию, и нередко – компенсационных мер (например, постепенного внедрения изменений, частичного сохранения льгот для уже участнивших лиц и т.д.). Таким образом, в Британии доктрина законных ожиданий стала мощным механизмом контроля за административной fairness (справедливостью): она не позволяет власти «без слова объяснения» нарушать обещанное или резко менять курс, нарушая доверие граждан.

Таким образом, институт законных ожиданий получил различную степень развития и формы закрепления в административно-правовых системах. Можно выделить две основные правовые семьи подхода к *legitimate expectations*:

1. Континентально-европейский подход (Германия, Франция) – характеризуется включением принципа защиты доверия в общие начала права, тесной связью с принципом правовой определенности. В Германии этот принцип детально урегулирован: действует запрет на отзыв правовых актов, нарушающий добросовестные ожидания, и механизм компенсации при неизбежных изменениях. Во Франции институт не выделен терминологически, но реализуется через требования плавности нормативных изменений и неприменения ретроактивных мер. В целом, в странах континентального права защита законных ожиданий рассматривается как неотъемлемая часть правового государства, гарантирующая предсказуемость и стабильность юридического регулирования.

2. Англо-саксонский подход (Великобритания) – сформирован судебной практикой и фокусируется на принципе справедливости по отношению к лицам, поверившим в обещания властей. Британские суды напрямую устанавливают ограничения для администрации: нельзя нарушать обещание без достаточных причин, иначе это будет признано несправедливым и незаконным (как *irrational or unfair action*). Здесь институт законных ожиданий выступает как судебный инструмент контроля над исполнительной властью, гибко применяемый от случая к случаю.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что институт законных ожиданий играет важную роль в обеспечении баланса между гибкостью государственного управления и защитой правовой уверенности граждан. Современные

отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что защита оправданных ожиданий – необходимый элемент концепции верховенства права [13].

Российскому административному праву целесообразно заимствовать лучший зарубежный опыт, а именно закрепить в общих положениях принцип поддержания доверия граждан к действиям власти и ввести процедурные механизмы, препятствующие резкому отходу органов от объявленной политики без веских причин. При этом важно учитывать, что защита ожиданий не должна означать окостенение регулирования: государство сохраняет право реформ, однако реализовывать их следует с соблюдением требований справедливости, предупреждения и компенсирования интересов тех, кто полагался на прежние правила.

В заключение отметим, что постепенное внедрение принципа законных ожиданий в российскую административную практику будет способствовать росту доверия между обществом и государством, повышению предсказуемости правовой среды и эффективности управления. Этот институт, находящийся на стыке морали и права, служит напоминанием власти о необходимости держать свое слово и уважать обоснованные ожидания граждан, что в конечном счете укрепляет законность и порядок в государстве.

Список источников

1. Виноградова Е.В. Влияние конституционного принципа поддержки доверия граждан к законам и действиям государства на законодательный процесс // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 117–119.
2. Ковалева Ю.Н., Адыгезалова Г.Е., Соотношение правового ожидания с отдельными правовыми принципами // Экономические проблемы и юридическая практика. 2021. № 4. С. 71–74.
3. Кривельская О.В., Стерликова С.С. Институт законных ожиданий в административном праве Испанского Королевства // Образование и право. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zakonnnyh-ozhidaniy-v-administrativnom-prave-ispanskogo-korolevstva> (дата обращения: 17.06.2025).
4. Шерстобоев О.Н. Защита доверия (законных ожиданий) – основополагающий принцип российского административного права // Научные записки НГУЭУ. 2022. № 3. URL: https://nsuem.ru/scientific-notes/issue.php?ISSUE_ID=7389 (дата обращения: 11.06.2025).
5. Шерстобоев О.Н. Защита законных ожиданий – основополагающий принцип административного права // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 21–26. URL: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2019/administrativnoe-pravo-i-process/2/> (дата обращения: 11.06.2025).
6. Lord MacKenzie Stuart. Legitimate Expectations and Estoppel in Community Law and English Administrative Law // Legal Issues of European Integration. 1982. Vol. 1. P. 55.
7. Rennert K. The Protection of Legitimate Expectations under German Administrative Law : докл. на семинаре Ассоциации гос. советов и верховных административных юрисдикций Европейского союза (ACA-Europe), 21 апреля 2016 г., Вильнюс, Литва / prof. Dr. Dr. h.c. Klaus Rennert, President of the Federal Administrative Court, Leipzig, Germany. URL: https://www.bverwg.de/medien/pdf/rede_20160421_vilnius_rennert_en.pdf (дата обращения: 11.06.2025).

8. Verwaltungsverfahrensgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 23. Januar 2003 (BGBl. I S. 102), daszuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 15. Juli 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 236) geändert worden ist.

9. Sylvia Brunet. The Protection of Leitimate Expectations under Administrative Law in France. Anneken Kari Sperr; Diana Princess of Hohenlohe-Oehringen (реж.). The Protection of Leitimate Expectations in Administrative Law: A Comparative Study, Bloomsbury Academic (Hart Studies in Comparative Public Law).

10. Conseil d'État, Assemblée. Décision du 24 mars 2006. Société KPMG et autres [Текст] // Conseil d'État – Jurisprudence. URL: <https://www.conseil-etat.fr/decisions-de-justice/jurisprudence/les-grandes-decisions-depuis-1873/conseil-d-etat-assemblee-24-mars-2006-societe-kpmg-et-autres> (дата обращения: 11.06.2025).

11. Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service (1985) // LawProf – Public Law. URL: <https://lawprof.co/public-law/separation-of-powers-cases/ccsu-v-minister-for-the-civil-service-1984-ukhl-9-1985-1-ac-374/> (дата обращения: 11.06.2025).

12. R. v. North East Devon Health Authority, ex parte Coughlan (2001) // LawProf. URL: <https://lawprof.co/public-law/legitimate-expectations-cases/r-v-devon-health-authority-ex-p-coughlan-2001-qb-213/> (дата обращения: 11.06.2025).

13. The protection of legitimate expectations in global administrative law. URL: <https://rm.coe.int/the-protection-of-legitimate-expectations-in-global-administrative-law/16809a45b6> (дата обращения: 11.06.2025).

References

1. Vinogradova, E.V. (2020) Vliyanie konstitutsionnogo printsipa podderzhki doveriya grazhdan k zakonom i deystviyam gosudarstva na zakonodatel'nyy protsess [The Influence of the Constitutional Principle of Supporting Citizens' Trust in Laws and State Actions on the Legislative Process]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 14. pp. 117–119.
2. Kovaleva, Yu.N. & Adygezalova, G.E. (2021) Sootnoshenie pravovogo ozhidaniya s otdel'nymi pravovymi printsipami [The Relationship of Legal Expectation with Certain Legal Principles]. *Ekonomicheskie problemy i yuridicheskaya praktika*. 4. pp. 71–74.
3. Krivelskaya, O.V. & Sterlikova, S.S. (2024) Institut zakonnykh ozhidaniy v administrativnom prave Ispanskogo Korolevstva [The Institute of Legitimate Expectations in the Administrative Law of the Spanish Kingdom]. *Obrazovanie i parvo*. 5. pp. 131–134.
4. Sherstoboev, O.N. (2022) Zashchita doveriya (zakonnykh ozhidaniy) – osnovopolagayushchiy printsip rossiyskogo administrativnogo prava [The Protection of Trust (Legitimate Expectations) – A Foundational Principle of Russian Administrative Law]. *Nauchnye zapiski NGUEU*. 3. [Online] Available from: https://nsuem.ru/scientific-notes/issue.php?ISSUE_ID=7389 (Accessed: 11th June 2025).
5. Sherstoboev, O.N. (2019) Zashchita zakonnykh ozhidaniy – osnovopolagayushchiy printsip administrativnogo prava [The Protection of Legitimate Expectations – A Foundational Principle of Administrative Law]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2. pp. 21–26.
6. Lord MacKenzie Stuart. (1982) Legitimate Expectations and Estoppel in Community Law and English Administrative Law. *Legal Issues of European Integration*. 1. p. 55.
7. Rennert, K. (2016) *The Protection of Legitimate Expectations under German Administrative Law: A Report for the Seminar of the Association of the Councils of State and Supreme Administrative Jurisdictions of the European Union (ACA-Europe)*. April 21, 2016, Vilnius, Lithuania. [Online] Available from: https://www.bverwg.de/medien/pdf/rede_20160421_vilnius_rennert_en.pdf (Accessed: 11th June 2025).
8. Germany. (2024) Verwaltungsverfahrensgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 23. Januar 2003 (BGBl. I S. 102), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 15. Juli 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 236) geändert worden ist.
9. Brunet, S. (n.d.) The Protection of Legitimate Expectations under Administrative Law in France. In: Sperr, A.K. & Princess of Hohenlohe-Oehringen, D. (eds) *The Protection of*

Legitimate Expectations in Administrative Law: A Comparative Study. Bloomsbury Academic (Hart Studies in Comparative Public Law).

10. Conseil d'État, Assemblée. (2006) *Décision du 24 mars 2006. Société KPMG et autres.* [Online] Available from: <https://www.conseil-etat.fr/decisions-de-justice/jurisprudence/lesgrandes-decisions-depuis-1873/conseil-d-etat-assemblee-24-mars-2006-societe-kpmg-et-autres> (Accessed: 11th June 2025).

11. Lawprof.co. (1985) *Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service.* [Online] Available from: <https://lawprof.co/public-law/separation-of-powers-cases/ccsu-v-minister-for-the-civil-service-1984-ukhl-9-1985-1-ac-374/> (Accessed: 11th June 2025).

12. Lawprof.co. (2001) *R. v. North East Devon Health Authority, ex parte Coughlan.* [Online] Available from: <https://lawprof.co/public-law/legitimate-expectations-cases/r-v-devon-health-authority-ex-p-coughlan-2001-qb-213/> (Accessed: 11th June 2025).

13. European Council. (n.d.) *The protection of legitimate expectations in global administrative law.* [Online] Available from: <https://rm.coe.int/the-protection-of-legitimate-expectations-in-global-administrative-law/16809a45b6> (Accessed: 11th June 2025).

Информация об авторе:

Кривельская О.В. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного и финансового права по научной работе международно-правового факультета МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Krivelskaya, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 26.10.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 26.10.2025; accepted for publication 09.12.2025.